

С ДЖЕЙМЗ СТИВЕНЗ

ГОРШОК ЗОЛОТА ¹⁹¹²

додопресс
скрытое золото XX века

Скрытое золото XX века

Джеймс Стивенс

Горшок золота

«Фантом Пресс»

1912

УДК 82/89
ББК 84.4Ирл

Стивенз Д.

Горшок золота / Д. Стивенз — «Фантом Пресс»,
1912 — (Скрытое золото XX века)

ISBN 978-5-86471-832-2

Джеймз Стивенз (1880–1950) – ирландский прозаик, поэт и радиоведущий Би-би-си, классик ирландской литературы XX века, знаток и популяризатор средневековой ирландской языковой традиции. Этот деятельный участник Ирландского возрождения подарил нам пять романов, три авторских сборника сказаний, россыпь малой прозы и невероятно разнообразной поэзии. Стивенз – яркая запоминающаяся звезда в созвездии ирландского модернизма и иронической традиции с сильным ирландским колоритом. В 2018 году в проекте «Скрытое золото XX века» вышел его сборник «Ирландские чудные сказания» (1920), он сразу полюбился читателям – и тем, кто хорошо ориентируется в ирландской литературной вселенной, и тем, кто благодаря этому сборнику только начал с ней знакомиться. В 2019-м мы решили подарить нашей аудитории самую знаменитую работу Стивенза – роман, ставший визитной карточкой писателя и навсегда создавший ему репутацию в мире западной словесности.

УДК 82/89
ББК 84.4Ирл

ISBN 978-5-86471-832-2

© Стивенз Д., 1912
© Фантом Пресс, 1912

Содержание

Что сердце ведаёт нынче, голова поймет завтра	6
Книга I	9
Глава I	9
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	19
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	29
Глава VIII	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джеймз Стивенз

Горшок золота

© Шаши Мартынова, перевод с английского, 2019

© «Додо Пресс», оформление, издание, 2019

* * *

Под маской легкого смеха Джеймз Стивенз оставался философом – и премудрым, с тех самых пор, как вообще начал писать.

Оливер Сент-Джон Гогарти, поэт, прозаик (Бык Маллиган в «Улиссе» Джойса)

Джеймз Стивенз... прирожденный человек искусства, миниатюрный снаружи, но большой внутри, громадный, просторный.

Сэр Алберт Генри Джордж, граф Грей, 9-й генерал-губернатор Канады

Ума тебе не занимать, фурор же малозначим,

Ты Лиффи вынудил сиять, зажжешь и десять Темз.

Но без тебя мы как без рук, мы единенья алчем;

О, половина сил Эрин! Ну что случилось, Джеймз?

Джордж Э. Расселл, писатель, поэт, художник, мистик – на отъезд Стивенза в Англию

За последние годы мы почтили двух ирландских поэтов – Уильяма Батлера Йейтса и Джеймза Салливэна Старки. Сегодня к ним добавится третий, Джеймз Стивенз, чей гений столь разнообразен, что некоторые критики сравнивают его и с Эсхилом, и с Милтоном, другие же считают, что его дар в основном, если не в главном, – лирический. Когда мнения знатоков так сильно расходятся, что уж говорить о читателе. Оратор растерян: Stat et incertus qua sit sibi. Nescit eundum¹. Но одно можно утверждать наверняка: что бы ни решила дальнейшая история о деяниях Джеймза Стивенза, он навеки пребудет среди старших жрецов Муз. В его представлении безмерного – Вечности, Пространства, Силы, – в его картинах Бога, что бродит по опустевшему саду, в его рассказах о том, что Томас ляпнул в пабе о гневе Всевышнего, «он превосходит простое человеческое и становится голосом Духа Поэзии...» Вряд ли необходимо цитировать из «Полубогов», «Дочери поденщицы» и, возможно, знаменитейшей его работы – романа «Горшок золота». Столь выдающемуся человеку полагаются бурные аплодисменты.

Из речи официального оратора Дублинского университета на церемонии торжественного присвоения Стивензу докторской степени по литературе

Поэт-балагур с лучезарной звездой под шутовским колпаком.

Шон О'Кейси, драматург, прозаик

[Стивенз] мой духовный близнец.

Джеймз Джойс

¹ «...стоит в сомненье, не зная, в какую» – Овидий, парафраз стихов 3–4 книги V, «Фасты», пер. Ф. Петровского. КНИГА I

Что сердце ведаёт нынче, голова поймет завтра

Предисловие переводчика

Нам, читателям, часто не дает покоя мысль, что мы недостаточно осведомлены или подготовлены для некоторых книг: не очень-то приятно оказаться в компании, где каждая вторая шутка – исключительно для своих, а обсуждаемые приключения происходили задолго до того, как ты к этой компании прибился. Особенно остро это чувствуешь, когда читаешь остроумную и веселую небывальщину – на таком празднике уж совсем не хочется казаться себе глуповатым или посторонним. Мы же в музей воображения пришли – чтобы пережить захватывающее детское приключение, испугаться (но понарошку, не ужасно), посмеяться, восхититься. Ненадолго вернуться домой, короче говоря, – в пространство чуда и свободной фантазии. Если даже здесь чувствовать себя несуразным, где вообще тогда искать человеку читательского прибежища?

Как и почти любой текст, в значительной мере порожденный и напитанный своим временем, роман «Горшок золота», думаю, способен пробуждать в читателе вот эту неприятную робость. Краткая, но феноменально богатая на события эпоха второй половины XIX – начала XX века стала в некотором смысле кусочком фрактального узора ирландской истории: в продуктах культуры и искусства, созданных за несколько десятков переломных лет, когда завершился многовековой период соседской колонизации, сосредоточено громадное и богатейшее наследие прошлого. Гробницы неолита, кельтское внедрение, приход святого Патрика, золотой век раннего ирландского христианства, бесчинства викингов и их растворение в местном космосе; нормандское нашествие и первые ренессансы в ирландской словесности, первые беды религиозного противостояния после реформ Генриха VIII; утрата местной аристократии и института покровительства искусствам, непрестанные попытки сохранить и укрепить самобытную ирландскую культуру и литературу вопреки все более жестким карательным законам – и наконец, катастрофа Великого голода, бессилие политических методов борьбы за ирландскую автономию и начало пересоздания нации через культуру.

Вот сколько всего спрессовалось в ирландской литературе рубежа веков, и под бешеным гнетом стольких слоев истории родились поразительные самоцветы. «Горшок золота» – несомненно, такой вот драгоценный камень, и, если продолжать эту метафору, любоваться неповторимыми узорами в самоцвете можно, не имея никакого понятия, где именно эту красоту добыли, какая в тех местах геология с геофизикой и что происходило в те миллионы лет, пока рождалось это чудо. Можно не знать, какие у этого камня практические применения, каков химический состав и алхимический символизм. Если же вам лично особенно интересна физика высоких давлений – или роль самоцветов в индийской астрологии, или традиционная африканская резьба по камню, – можно добавить к своему восприятию такое знание, и камень откроется вам с этой особой стороны. Можно, в принципе, смотреть на самоцвет и с чисто естественнонаучной точки зрения, как на предмет исследования, и не обращать никакого внимания на его фантастическую красоту – но это уж точно, думаю, не про нас с вами, восторженных детей, дорвавшихся до минералогической коллекции... виновата, до волшебной сказки про все ирландское.

Словом, если вам больше нравится просто любоваться неповторимым, чудесным и красивым, гулять без путеводителей и навигаторов – бросайте читать это предисловие и беритесь за роман. И в концевые сноски тоже лазайте исключительно под настроение, не закладывайте соответствующую страницу пальцем – мне кажется, этот роман способен увлечь, повеселить и тронуть даже тех читателей, кто впервые имеет дело с ирландской литературой того времени, очень приблизительно знает, кто такие Йейтс и Расселл, а про Кухулина и не слышал. Возможно, с этой книги начнется ваша любовь с Ирландией.

Если же вы из тех, кому для полноты удовольствия необходимо знать о подаренном самоцвете побольше – или даже все возможное, – вам, конечно, и предстоит копаться в примечаниях к этому переводу, и, надеюсь, захочется спуститься в глубины ирландской истории, литературы и языка – к штольням, указатели на которые Стивенз щедро натыкал в своем легендарном романе. Я же здесь, в предисловии, всего в три-четыре штриха набросаю карту месторождения, где добыт «Горшок золота».

Во-первых, Стивенз – деятельный участник Ирландского возрождения, ученик Джорджа А. Расселла и Уильяма Батлера Йейтса, друг Джеймса Джойса и Джорджа Мура, ирландский националист, переводивший с ирландского и много писавший для националистской прессы. Главный герой его романа Философ родился прежде «Горшка» – в статьях Стивенза для «Шин Фейн», однако национализм Стивенза не тот, что у Артура Гриффита и других «шинфейновцев», а именно что йейтсовский и расселловский, а потому поединок Энгуса Ога с Паном в романе – философский, и любые сведения счетов происходят не из мелочной мести или злобы, а ради восстановления глубинного равновесия в мироздании. Такова историческая призма Стивензова взгляда в этом романе: древний космос Ирландии – пространство творчества и великодушия, вот что есть Ирландия *на самом-то деле*, если предоставить ее себе, ее собственной магической реальности. Кроме того, Стивенз-поэт неизменно возвращался в своих стихах к восторгам от живой великой природы, а потому все природное у него по определению чистое, истинное и настоящее – в том числе и в «Горшке золота».

Во-вторых, Стивенз принял от Расселла обширные поучения в индийской философии и религии и, как и сами Расселл и Йейтс, увлеченно переосмыслил образы и символизм ирландских древних сверхъестественных существ («богов», Туата Де, народа из-под холмов, сидов – уже одно только богатство обозначений кому хочешь подскажет, что здесь целые бездны для осмысления) и пытался нащупать синкретическое единство старейших культур на Земле. Отсюда в романе и мировоззренческое противостояние греческого Пана с ирландским Энгусом Огом (дионисийство против аполлонизма), и суфийское экзальтированное кружение Философа и его жены, и чуть ли не прямые цитаты из Бодхичарьяватары и вообще рассуждения об устройстве майи и кармы, о пустотной природе самости, пусть эти понятия Стивенз и не вводит. Сам роман устроен циклически, в нем много вложенных замкнутых кругов-возвращений, и проступающая мандала получается глубоко дохристианской. Деятели Ирландского возрождения взывали к древнему океану богов, чтобы вернул он Ирландии божественную магию, Расселл предрекал приход богов на остров, а Стивенз взял их за руки, пританцовывая, вывел из-под холмов и собрал в лесной глухомани посреди графства Каван.

В-третьих, невзирая на свою бесспорную ирландскость, Стивенз подолгу жил в Лондоне и вращался в тамошних литературных кругах, а во время Второй мировой войны и после нее много работал на Би-би-си. Голос английской авторской сказки в «Горшке...» слышен и отчетлив. Поклонники Кэрролла, не сомневаюсь, уловят и его интонации. Кроме того, и Стивенз, и Расселл, и прочие творцы-протестанты Ирландского возрождения находились под сильным влиянием великолепного безумца англичанина Уильяма Блейка. Тени и блики его живописи проступают в картинах Расселла, а у Стивенза – особенно в ранних работах – Блейка слышно в очень многих стихотворениях; могуче его присутствие и в «Горшке золота». Большинство ключевых мировоззренческих и философских дилемм, над которыми размышляют вслух и рассказчик, и герои романа, подхвачены у Блейка, и сам Стивенз говорил в одной позднейшей статье, что у Блейка «очень хорошо красть; и да сочтем, что воровство – первейший долг человека». И еще одна важная и красноречивая похвала Стивенза Блейку – прямо заявленная идея о значимости мифотворчества: Блейк – «исключительный пример мифотворца не только в современной, но и в исторической литературе». И конечно, нельзя не услышать Блейка в афоризмах и максимах, какими насыщен «Горшок золота» буквально с первых же страниц. Боги пантеона, придуманного Блейком: Уризен (разум), Лува (страсть), Тармас (тело, чувства),

Уртона (дух, божественное воображение), – напитывают многие споры, рассуждения и противостояния в романе. Три Древних Бритта Блейка – Красивейший, Сильнейший и Уродливейший – выведены в романе напрямую, по всем правилам еще не рожденного тогда литературного постмодернизма. И конечно же, упоительные алхимические войны полов в романе, уморительные гендерные обобщения и прочая вопиющая, по нашим меркам, неpolitкорректность – совершеннейший Блейк.

В-четвертых, «Горшок золота» – по признанию и современников, и позднейших читателей, возможно, лучшее прозаическое сочинение Стивенза, – красочная демонстрация мастерства автора, его писательских навыков и умений. «Горшок золота» – фантазия («фэнтези», как мы бы это сейчас назвали), преобразование невозможного в привычное «фактическое», игра и одновременно утонченный авторский комментарий на темы ирландского национализма, психологии человеческих отношений, оболванивающего воздействия религии, закона, власти. Местами это непочтительный взгляд даже на Ирландское возрождение со всеми его богами, аватарами и мистическими диковинами – едва ли не исторически первая ревизия этого явления, сколь угодно добродушная. Это и комедия, и любовный роман, и суровый реализм капиталистического произвола. Место действия – реальная и мистическая топография Ирландии, зачарованные холмы, деревенская тюрьма и улицы Дублина.

Вся эта диковинная фантасмагория, глубоко ирландская в своей лоскутности, поэзии, сказительстве, юморе, печали, пасторальности и мистике, и вместе с тем зримо пропитанная общеевропейским поиском ориентиров и духовного и сердечного утешения в новом и по-прежнему непонятном индустриальном мире, как-то взяла и сложилась в единое высказывание очень не сразу. Черновик этого небольшого романа претерпел более трех тысяч авторских правок, а писать «Горшок золота» Стивенз начал в 1909 году. То, что в итоге выдержало десятки переизданий на многих языках мира, такое веселое, подвижное и непосредственное – результат кропотливого писательского труда и философский манифест, соединяющее звено, мостик между счастливым безумием романтиков первой половины XIX века и второй половины века двадцатого. Нет, Стивенз не мог знать – даже если бы участвовал в спиритических сеансах Йейтса, – о великом лете мира, любви и музыки, о неудавшейся попытке человечества вернуться к невинному детству, но отчего-то кажется, что сердце Стивенза ведало то, что наши головы продолжают понимать нынче – и мы не теряем надежды.

Шаши Мартынова

Книга I

Явление Пана

Глава I

Посреди соснового бора, что называется Койля Дорака², не очень-то давно жили два Философа. Были они мудрее всех на белом свете, если не считать Лосося, какой таится в озере, что в Глин Кайни³, куда падают с прибрежного лесного куста орехи познания. Лосось этот, конечно же, – самое глубокомысленное из всех живых существ, но Философы – те по мудрости уступали едва-едва. С виду казалось, что лица у них сделаны из пергамента, под ногтями у Философов темнели чернила, и всякую трудность, что предъявлял им кто угодно – хоть бы и женщины, – умели они мгновенно разрешить. Седая Женщина из Дун Гортина⁴ и Тошяя Женщина из Иниш Маграта⁵ задали им три вопроса, на которые никто никогда не знал ответа, а Философы его нашли. Вот как заслужили они неприязнь этих двух женщин, а она ценнее дружбы ангелов. За то, что ответ был им даден, Седая Женщина и Тошяя Женщина так осерчали, что вышли замуж за Философов – ради того, чтобы щипать их в постели, – но шкуры у Философов оказались толстые: Философы и не догадывались, что их щиплют. Женщинам за их ярость отплатили они таким нежным обожанием, что те лютые создания чуть не скончались от досады, и как-то раз в упоении злобы, расцелованные мужьями, пробормотали тысячу четыреста проклятий, заключавших в себе всю их мудрость, – и выучили их Философы, и так стали еще мудрее.

Когда подошло время, в тех двух браках родилось по ребенку. Появились они на свет в один день и в один час и различались лишь тем, что один получился мальчик, а второй – девочка. Никто не смекал, как так вышло, и впервые в своей жизни Философам пришлось восхититься событием, какое не под силу им было предречь; впрочем, доказав многими разными способами, что те дети – действительно дети, а также чему быть должно, тому должно быть, факту не возразишь, а что случилось единожды, может случиться и дважды, они описали то явление как необычайное, однако ж не противоестественное, после чего мирно отдались на волю Провидения, сделавшись даже мудрее прежнего.

Философ, у которого родился мальчик, остался очень доволен, потому что, сказал он, на свете слишком много женщин, а Философ, у которого родилась девочка, тоже остался очень доволен, потому что, сказал он, хорошего слишком много не бывает; Седую Женщину и Тошюю Женщину, однако, материнство нисколько не смягчило – они сказали, что уговора такого не было, дети возникли мошенническим путем, а обе они – почтенные замужние женщины, и в знак протеста против всех кривд они, Женщины, никакой еды Философам готовить больше не станут. Эта весть обрадовала мужей, поскольку стряпню жен своих они терпеть не могли, но вслух этого не сказали, ибо тогда женщины, знай они, что мужьям пища их не любя, без

² Койля Дорака – Темный лес (*искаж. ирл.*). Здесь и далее в основном тексте мы приводим транскрипции имен собственных и топонимов фонетически в том виде, в каком они существуют в оригинале у Стивенза, а в Словаре на даем и варианты русскоязычной записи, и современное ирландское написание.

³ Глин Кайни – Долина Чашки (*искаж. ирл.*). Возможно, имеется в виду долина Головы Кайня (Глянн Кон Кайнь, *ирл.* Gleann Con Cadhain).

⁴ Дун Гортин – городище Гортин (*ирл.*). В современной реальной топографии Гортин (от *ирл.* goirtín – маленькое огороженное поле) – деревня в графстве Тирон, Северная Ирландия.

⁵ Иниш Маграт – Инишмаграт (*ирл.* Inis Mac Craith). В современной реальной топографии приход в графстве Лейтрим. Одноименный остров расположен в озере Аллен, непосредственно прилегает к границе прихода Инишмаграт, но в его территорию не включен.

сомнения, настояли бы на своем праве стряпать; а потому Философы молили жен своих что ни день приготовить какой-нибудь славный обед, и жены отказывали им неизменно.

Все они жили в домике в самой середине темного соснового бора. Солнце сюда не пробивалось никогда – уж слишком глубокая была здесь тень, и ветер не проникал – слишком уж густы ветви, а потому уединеннее и тише места не сыщешь на всем белом свете, и Философы день-деньской слушали, как оба думают, или же произносили речи друг перед другом, и были то наиприятнейшие звуки из всех, какие им ведомы. Звуков же для них существовало два вида – беседа и шум: первое они обожали, а вот о втором говорили с суровым осуждением, и, даже если исходили те звуки от птицы, ветерка или от ливня, сердились Философы и требовали отмены тех звуков. Жены Философов говорили редко, однако никогда не молчали: они общались друг с дружкой своего рода физической телеграфией, которой они обучились у *сидов*⁶, – щелкали суставами пальцев то быстро, то медленно, и так им удавалось общаться промеж собой на громадных расстояниях, ибо вследствие обширного опыта получалось производить мощные взрывные звуки, едва ль не громовые раскаты, а также звуки помягче – как падает серая зола на камень перед очагом. Тощая Женщина своего ребенка на дух не выносила, зато любила дитя Седой, а Седая Женщина любила младенца Тощей, а своего терпеть не могла. Компромисс способен устранить даже самые мудреные неувязки, а потому женщины обменялись детьми и сразу же сделались самыми нежными и любящими матерями, каких только можно вообразить, и обе семьи смогли жить себе дальше в согласии едва ли не более совершенном, нежели сыщется где бы то ни было.

Дети росли милыми и пригожими. Поначалу мальчонка был коротышка и толстяк, а девчушка – дылда и тростинка, затем девчушка сделалась округлой и пухлой, а вот мальчонка – худощавым и жилистым. Так вышло потому, что девчушка, бывало, сживала тихонько и вела себя смирно, а мальчонка – не бывало.

Прожили они много лет в глубоком уединении посреди бора, где вечно царил полумрак и где обыкновенно играли они в свои детские игры, мелькая среди сумрачных деревьев подобно маленьким шустрим теням. По временам матери их, Седая Женщина и Тощая Женщина, играли с ними вместе, но такое случалось редко, а иногда отцы их, два Философа, выходили из дому, глазели на детей сквозь очки – круглые и очень стеклянные, заключенные по всей кромке в здоровенные роговые окружности. Впрочем, водились у детей и другие приятели по играм, с кем можно было шалить дни напролет. В подлесе носились кролики, сотни их, большие потешники, играть с детьми они обожали. А еще в игры их включались белки, а также козы, когда-то отбившиеся разок от большого мира, – их привечали здесь так тепло, что они, когда удавалось, всегда возвращались сюда. Были и птицы – вороны, дрозды и трясогузки, малышню они знали близко и навещали ее, когда позволяла их занятая жизнь.

Неподалеку от домика располагалась в лесу поляна, футов десять квадратных; летом на эту поляну, словно в воронку, палило солнце. Диковинный сияющий столп среди леса первым обнаружил мальчонка. Однажды отправили его собирать шишки для растопки. Поскольку собирали их ежедневно, вокруг дома шишек попадалось мало, а потому, высматривая еще, мальчик убрел от дома дальше обычного. Завидев необычайное сияние, он оторопел. Никогда не видал он ничего подобного, и стойкий, немеркнувший свет породил в ребенке поровну страха и любопытства. Любопытство одержит победу над страхом вернее, чем даже отвага: и впрямь же вело оно многих к опасностям, от коих простая телесная смелость отшатнулась бы прочь, ибо голод, любовь и пылливость – величайшие побудители жизни. Обнаружив, что свет неподвижен, мальчонка приблизился и, осмелев от любопытства, шагнул напрямик внутрь – и оказалось, что это и не предмет вовсе. В тот миг, когда вошел он в круг света, почувствовал, что

⁶ У Стивенза *ии* (Shee, от *ирл.* sí) – «народ холмов», они же потомки племени богини Дану (Туата Де Дананн, Туата Де), «дивные».

там горячо, и так испугался, что выскочил вон и спрятался за деревом. Затем впрыгнул в свет вновь – и вновь спрятался, и едва ли не полчаса играл он вот так в салки с солнечным светом. Наконец осмелел вполне и замер в столпе – и почувал, что совсем не горит в нем, но оставаться там не захотел, забоявшись, что сварится. Вернувшись домой с шишками, он ничего не сказал ни Седой Женщине из Дун Гортина, ни Тощей из Иниш Маграта, ни Философам, зато все доложил маленькой девочке, когда пришло время спать, и затем каждый день они отправлялись играть с солнечным светом, а кролики с белками шли следом за ними и включались в их игры с интересом вдвое бóльшим, чем прежде.

Глава II

К одинокому домику в сосновом бору иногда приходили люди – посоветоваться о предметах, чересчур темных даже для таких непревзойденных светочей вразумления, как приходской священник и таверна. Подобных посетителей всегда принимали тепло и с заваками их разбирались мгновенно, ибо Философы любили показывать мудрость и не стеснялись проверять ученость свою – как не боялись они, в отличие от премногих мудрецов, что обеднеют или чтимы станут меньше, ежели выдадут свое знание. Водились у них вот такие любимые максимы:

*Сперва сгодись дать, а уж потом сгодишься взять.
Знание – рухлядь через неделю, а потому сбагри его.
Короб сперва опорожни, тогда и пополнить сможешь.
Пополнение есть успех.
Мечу, лопате и мысли никогда не позволяй ржаветь.*

Впрочем, Седая Женщина и Тощая Женщина мнений придерживались вполне противоположных, и максимы у них водились другие.

*Тайна есть оружие и друг.
Мужчина – тайна Бога, Сила – тайна мужчины,
Утехи Телесные – тайна женщины.
Обретя многое, сгодишься обрести большее.
В коробе место всегда найдется.
Искусство упаковки – последнее поучение мудрости.
Кожа с головы врага твоего есть успех.*

При таких-то противоположных мнениях казалось вероятным, что посетителей, явившихся за советом к Философам, жены их потрясли и заворожили б, однако женщины оставались верны своим личным взглядам и знаниями своими делиться не соглашались ни с кем, кроме людей высокопоставленных, а именно: полицейских, барыг⁷ и советников округа либо графства; впрочем, даже с таких вжимали они большую цену за сведения, а также премию с любых барышей, обретенных благодаря их советам. Незачем и говорить, что тех, кто искал их помощи, в сравнении с теми, кто искал ее у мужей их, было куда меньше; едва ль неделя проходила без того, чтоб не возникал среди бора какой-нибудь человек с бровями, свитыми в растерянности.

Эти люди были мальчику с девочкой глубоко интересны. После таких посещений дети удалялись потолковать о них, старались запомнить, как те люди выглядели, как разговаривали, какие у них повадки и походки, как нюхали они табак. Погода детям стали любопытны и головоломки, с которыми обращались к родителям, а также ответы и указания, какими родители проясняли те головы. Долгими упражнениями выучились дети сидеть совершенно беззвучно, чтобы, когда разговор добирался до самого интересного, о них полностью забывали, и соображения, от каких в противном случае взрослые уберегли бы их юность, стали в беседах у этих детей обычным делом.

Когда исполнилось детям по десять лет, один Философ собрался помирать. Созвал всех домочадцев и объявил, что пришло время проститься с ними всеми и намерен он преставиться как можно скорее. На беду, продолжил он, здоровье его давно не было таким добрым, как нынче,

⁷ Стивенз, на протяжении всего романа напитывая повествование ирландским духом, вводит здесь понятие *gombeen man*, происходящее в английском языке от ирландского *gaimbín* – меняла, барыга, мелкий спекулянт.

но это, конечно, не преграда для намерения, ибо смерть зависит не от нездоровья, а от множества других предпосылок, подробностями коих он никого обременять не станет.

Жена его, Седая Женщина из Дун Гортина, рукоплескала его решимости и добавила, уточняя, что, дескать, самое время супругу ее что-нибудь предпринять; жизнь, какую вел он, – скучна и неприбыльна; стибрил он женины тысячу четыреста проклятий, а проку в них не нашел; наградил ее ребенком, в котором проку не нашлось ей; и в общем и целом чем скорее он помрет и бросит болтать, тем скорее возрадуются все, кому есть до всего этого дело.

Другой Философ, раскуривая трубку, отозвался кротко:

– Брат, величайшая из всех добродетелей – любопытство, предел же всякого желания – мудрость, а потому поведай нам, как ты достиг, пошагово, этой похвальной решимости.

На это Философ ответил:

– Я обрел всю мудрость, какую способен выдержать. В пределах целой недели не посетило меня ни единой новой истины. Все, что прочел недавно, знал я и прежде, а все, о чем думал, есть обобщение старых докучливых мыслей. Перед моими глазами нет более горизонта. Пространство сузилось до мелочности моего большого пальца. Время – часовой тик. Добро и зло – два сапога пара. Лицо жены моей одно и то же вовеки. Желая играть с детьми, но вместе с тем не хочу. Твои беседы со мной, брат, все равно что ныть пчелы в темной келье. Сосны пускают корни, растут и умирают. Все вздор, прощайте.

Друг ответил ему:

– Брат, это всё веские соображения, я и впрямь отчетливо постигаю, что пришло время тебе остановиться. Я бы отметил – не дабы восстать против взглядов твоих, а лишь для поддержания интересной беседы, – что есть по-прежнему знания, каких ты пока не впитал: пока что не знаешь, ни как играть на бубне, ни как обращаться с женою твоей обходительно, ни как вставлять поутру первым и приготавливать завтрак. Выучился ли ты курить крепкий табак так, как я? Умеешь ли танцевать при луне с женщиной из *сидов*? Понимать теорию, что стоит за всем на свете, недостаточно. Теория есть не более чем подготовка к практике. Открылось мне, брат, что мудрость может не быть пределом всего. Доброта и радушие, вероятно, превосходят мудрость. Не возможно ли, что окончательный предел есть веселость, и музыка, и танец радости? Мудрость – старейшая на свете. Мудрость – сплошь голова и никакого сердца. Узри же, брат: тебя сокрушило весом твоей головы. Ты помираешь от старости, а сам все еще дитя.

– Брат, – отозвался Философ, – голос твой подобен нытью пчелы в темной келье. Если в преклонные дни мои опущусь я до боя в бубен, до беготни за какой-нибудь ведьмой в лунном сиянии, до стряпни тебе завтрака в серое утро, значит, и впрямь пришло мне время помирать. Прощай, брат.

С теми словами Философ поднялся, сдвинул всю мебель к стенам, чтоб посередине возникло свободное место. Затем снял башмаки и плащ, встал на носки и стал кружиться с необычайной скоростью. Через несколько мигів движение сделалось устойчивым и стремительным, и послышался от Философа звук, будто гуденье проворной пилы; тот звук опускался все ниже и ниже и, наконец, стал непрерывен, и наполнилась хижина дрожью. Через четверть часа движение заметно увяло. Еще три минуты оно было попросту медленным. Еще через две минуты Философа вновь стало видно, а затем он поколебался туда-сюда, после чего осел на пол грудой. Полностью мертв, на лице – безмятежное блаженство.

– Бог с тобой, брат, – произнес оставшийся Философ, раскурил трубку, сосредоточил зрение на самом кончике своего носа и принялся глубоко созерцать афоризм, добро ли есть все – или же все есть добро. В любое другое время он бы забыл и о хижине, и о том, что не один тут, и о покойнике, но Седая Женщина из Дун Гортина сокрушила его созерцание, потребовав совета, что же следует предпринять дальше. Философ с усилием отвел взгляд от своего носа, а ум – от максимы.

– Хаос, – сказал он, – есть первейшее состояние. Порядок – первейший закон. Непрерывность – первейшее осознание. Покой – первейшее счастье. Наш брат усоп – хороните его. – Вымолвив это, он возвратил взгляд к носу, ум – к максиме и погрузился в глубинное созерцание, где ничто не задерживалось на том, что не сущее, а Дух Изошрения вперялся в головоломку.

Седая Женщина из Дун Гортина взяла из табакерки щепоть и заголосила по мужу:

*– Был ты мне муж, а теперь ты мертв.
Мудрость – вот что убило тебя.
Слушал бы ты мудрость мою, а не свою, – был бы по-прежнему
напастью моей, а я б оставалась счастлива.
Женщины сильнее мужчин – они не помирают от мудрости.
Они лучше мужчин, потому что не ищут мудрости.
Они мудрее мужчин, потому что знают меньше, а понимают больше.
Мудрые мужчины – ворюжки, они крадут мудрость у соседей.
Было у меня тысяча четыреста проклятий, припас мой невеликий, а ты
обманом украл их и оставил меня порожней.
Украл мою мудрость, сломала она тебе шею.
Потеряла я свое знание, но сама-то жива, вою над твоим телом, а тебе
то знание было невмочь, то мое малое знание.
Не выйдешь ты больше в сосновый бор поутру, не побродишь во тьме
среди звезд. Не посидишь в печном углу в суровые ночи, не ляжешь в постель,
не встанешь опять, не сделаешь ничего отныне и век.
Кто теперь соберет шишек, если огонь притухнет, кто назовет мое имя
в пустынном доме, кто рассердится, если не кипит чайник?
Покинута я, одинешенька. Никакого мне знания, никакого мне мужа, и
сказать-то мне больше нечего.*

Тощей Женщине из Иниш Маграта она сказала учтиво:

– Будь у меня что получше – тебе бы предложила.
– Спасибо, – отозвалась Тощая Женщина, – вышло очень славно. Давай теперь я? Мой муж созерцает, и нам удастся допечь его.
– Не хлопочи, – ответила Седая, – я за пределами всякой радости, да и к тому же почтенная женщина.
– Нет и впрямь ничего превыше этой истины.
– Я всегда все делаю правильно и вовремя.
– Последней буду на белом свете, кто с этим поспорит, – прилетел душевный ответ.
– Вот и славно тогда, – произнесла Седая Женщина и принялась стаскивать с себя башмаки. Вышла на середку горницы и встала на носки.
– Приличная ты и почтенная, – проговорила Тощая Женщина из Иниш Маграта, после чего Седая Женщина принялась кружиться все быстрее и быстрее, пока не сделалась чистым пылом движения, и через три четверти часа (ибо очень крепка была) стала она замедляться, все более зримая, закачалась, а после упала подле супруга, и блаженство у нее на лице едва ли не превосходило мужнино.

Тощая Женщина из Иниш Маграта чмокнула деток и уложила их спать, следом похоронила двух покойников под подом очага, а затем с некоторым усилием отвлекла своего супруга от созерцаний. Когда стал он способен воспринимать обыденное, она изложила ему подробно все, что случилось, и сказала, что в этой несчастной скорби винить стоит лишь его одного. Он ответил:

– Яд производит противоядие. Конец сокрыт в начале. Все тела разрастаются вокруг скелета. Жизнь есть исподнее смерти. В постель не пойду.

Глава III

В день, что последовал за этим печальным событием, Михал Мак Мурраху⁸, мелкий крестьянин, живший по соседству, возник среди сосен со свитыми бровями. На пороге сказал:

– С богом вам всем⁹. – И с этими словами шагнул в дом.

Философ извлек трубку изо рта...

– И тебе с богом, – отозвался он и вернул трубку на место.

Михал Мак Мурраху выставил большой палец и согнул его...

– А второй где? – спросил Михал.

– А! – отозвался Философ.

– Может, где-то снаружи?

– И впрямь, может¹⁰, – степенно ответил Философ.

– Ну, неважно, – сказал посетитель, – у тебя запаса премудрости хватит на целую лавочку.

Явился я сегодня спросить твоего почтенного совета о стиральной доске жены моей. Всего пару лет той доске, последний раз пользовалась ею, когда стирала мою воскресную рубашку и свою черную юбку с красными штучками на ней – знаешь такую?

– Не знаю, – изрек Философ.

– Ну, так или иначе, доски-то и нет; жена говорит, то ли дивные ее забрали, то ли Бесси Ханниган... Знаешь Бесси Ханниган? Баки у нее, как у козла, и нога увечная!..

– Не знаю, – изрек Философ.

– Да и пусть, – проговорил Михал Мак Мурраху. – Не брала она, потому что моя жена вчера залучила ее и два часа с нею болтала, пока я не перебрал у ней в доме все вещи до единой – не было там стиральной доски.

– И не должно было б, – изрек Философ.

– Может, тогда твоя милость подскажет человеку, где та доска?

– Может, и подскажу, – изрек Философ, – слушаешь?

– Слушаю, – ответил Михал Мак Мурраху.

Философ придвинул стул поближе к гостю так, что колени их притиснуло друг к другу. Положил тогда Философ обе руки на колени Михалу Мак Мурраху.

– Мытье – поразительный обычай, – изрек он. – Моют нас, когда приходим мы в этот мир и когда уходим из него, от первого мытья не получаем удовольствия, а от последнего – проку.

– Твоя правда, достопочтенный, – сказал Михал Мак Мурраху.

– Многие считают, что кáтанье, дополнительное к мытью, – только от привычки. Привычка же есть непрерывность действия, гнуснейшая штука, и избавиться от нее очень трудно. Поговорка дорогу найдет, где указ не указ, а промахи праотцев наших нам важнее пользы наших потомков.

– Ни слова не скажу поперек, достопочтенный, – отозвался Михал Мак Мурраху.

– Кошки – народ философский и вдумчивый, однако не признают они действительности ни воды, ни мыла, и все же кошек обычно считают племенем чистоплотным. Из всякого правила есть исключения, и я однажды видал кота, что стремился к воде и мылся ежедневно, – был

⁸ Фамилию Murchadha (у Стивенза Murrachu), означающую «морской воин», англизируют многими разными способами – и Murrrough (Мёрроу, Лейнстер), и Murphy (Мёрфи, Ольстер), и Murtagh (Мёрри). Фамилия Мёрфи – самая распространенная в Ирландии.

⁹ Имеется в виду традиционное ирландское приветствие при входе в дом: «Dia anseo!» (*букв.* «Бог здесь!») или «Dia sa teach!» (*букв.* «Бог в дом!»).

¹⁰ Здесь и далее: Философ неспроста отвечает на задаваемые ему вопросы не односложно («да» или «нет»), а повторяя смысловой глагол, содержащийся в адресованном ему вопросе, – это особенность ирландского языка, которую запечатлевает Стивенз.

он противоестественной тварью и издох в конце концов от оторопи. Дети едва ль не столь же мудры, как коты. Верно, что воду они применяют многими разными способами, – чтоб испортить скатерть или же фартук; наблюдал я и то, как они мажут лестницу мылом, являя сим действием понимание свойств субстанции.

– Чего б не быть такому и впрямь? – сказал Михал Мак Муррау. – Найдется ль у тебя спичка, достопочтенный?

– Не найдется, – изрек Философ. – Воробьи, опять-таки, народ чрезвычайно прозорливый и разумный. Воду они применяют, дабы утолять жажду, однако же если запачкались, принимают они пыльную ванну и тотчас делаются чистые. Конечно, птиц нередко наблюдаем в воде, но они там ради рыбалки, а не ради мытья. Я зачастую мыслю себе, что рыбы суть публика грязная, коварная и неразумная – все из-за того, что они так подолгу сидят в воде, и было замечено, что, если вынуть их из той стихии, они тут же сдыхают от восторга, сбегав от своего затянувшегося мытья.

– Я своими глазами видал, как это у них, – заметил Михал. – Слышал ли ты, достопочтенный, о рыбе, какую поймал полицейским шлемом Падін¹¹ Мак Лохлин?

– Не слышал, – изрек Философ. – Первый помывшийся человек, возможно, был тем, кто искал дешевой славы. Помыться способен любой дурак, зато всякий мудрец знает, что это напрасный труд, ибо природа быстро возвращает к естественной здоровой грязноте. Нам, следовательно, лучше искать не того, как очистить себя, а как достичь более неповторимой и блистательнейшей грязноты, и, быть может, накопленные слои материи попросту геологической силой своей впитаются в человеческую оболочку и так отменяют необходимость одежды...

– Про стиральную-то доску, – вставил Михал, – я вот что сказать хотел...

– Неважно, – изрек Философ. – Необходимость воды в надлежащем ей назначении я признаю. Как предмет, по которому движется под парусом корабль, ей едва ль найдется замена (не хочу сказать, как сам убедишься, что в целом одобряю корабли – они склонны плодить и питать международную любознательность и мелких вредителей различных широт). Как стихия, коей гасить пламя, или заваривать чай, или заливать горки зимою, она полезна, однако в жестяном тазу черты ее отвратительны и невыразительны... Что ж до стиральной доски твоей супруги...

– Помогай удача тебе, почтенный, – сказал Михал.

– Жена твоя говорит, либо дивные забрали ее, либо женщина с козлиной ногой.

– Это баки у нее козлиные, – сказал Михал.

– Они у нее увечные, – сурово изрек Философ.

– Будь по-твоему, достопочтенный, я теперь и сам не уверен, что у ней за напасть.

– Ты говоришь, что стиральная доска твоей жены не у этой нездоровой женщины. Следовательно, она у дивных.

– Похоже на то, – отозвался Михал.

– В этих краях обитает шесть кланов дивных, но метод исключения, придавший мирозданию форму шара, муравью – его окружение, а человеку – верховенство над всеми позвоночными, не подведет и в этот раз.

– Видал ли ты что-то, подобное тому, как расплодись осы в это лето? – спросил Михал. – Ей-ей, и не сядешь-то никуда, кроме собственных портков...

– Не видал, – изрек Философ. – Миску с молоком в прошлый вторник выставял?

– Как раз тогда.

– Снимаешь ли шапку перед пыльным смерчиком?¹²

¹¹ Падін – *ум.* – *ласк.* от ирландского имени Падрэг/Патрик.

¹² Речь об ирландском поверье, что сиды – в их относительно современном восприятии ирландцев, то есть не как божественный сверхчеловеческий народ, а как проказливые мелкие духи, то зримые, то нет, – иногда давали людям о себе знать в виде завихрений ветра в пыли на дороге, например. С подобными явлениями предписывалось вести себя почтительно, чтобы не накликать гнев сидов.

– Не пренебрег бы таким, – ответил Михал.

– Терновый куст не срубал ли давеча?

– Да я скорее глаз себе выколю, – сказал Михал, – и стану расхаживать бельмастым, как осел Лоркана О’Нуалайна, как есть говорю. Ты видал, достопочтенный, того осла? Он...

– Не видал, – изрек Философ. – Малиновки не убивал ли?

– Когда, – ответил Михал. – Елки-метелки, – добавил он, – кот мой старый тощий поймал вчера какую-то птицу на крыше.

– Ха! – вскричал Философ, придвигаясь, если вообще было там куда, еще ближе к своему просителю, – вот оно. Лепреконы Горт на Клока Моры¹³ забрали у тебя стиральную доску. Отправляйся к Горту немедленно. На юго-востоке поля есть под деревом нора. Глянь, что тебе там найдется.

– Так и сделаю, – сказал Михал. – А доводилось ли тебе...

– Не доводилось, – изрек Философ.

И пошел себе Михал Мак Муррахи, и сделал, как было велено, и под деревом Горт на Клока Моры отыскал горшочек золота.

– Вот она, сила стиральной доски-то, – проговорил он.

По причине этой оказии слава Философа сделалась даже больше прежнего – и по этой же причине суждено было случиться многим исключительным событиям, о которых узнаете вы положенным чередом.

¹³ Горт на Клока Мора – Поле Большого Камня (*искаж. ирл.*).

Глава IV

Так вышло, что Философу за то, что прислал Михала Мак Мурраху на их поле, лепреконы Горт на Клока Моры благодарны не были. Красть Михалову собственность они были вполне в своем праве, потому что их птицу действительно истребил Михалов кот. А потому не только перечеркнута оказалась их справедливая месть, но стибрили еще и горшок золота, какой их община копила много тысяч лет. Лепреконе без горшка с золотом – все равно что роза без аромата, птица без крыла или же изнанка без наружи. Они решили, что Философ поступил с ними скверно, что действия его – подлые и не добрососедские и, пока им не воздадут сообразно за их потерю и сокровищ, и собственного достоинства, никаких отношений, кроме вражды, между их народом и домиком в сосновом бору быть не может. Более того, все это положение оказалось жутко запутанным. Прямую личную войну с их новым врагом они устроить не могли, поскольку Тошяя Женщина из Иниш Маграта мужа своего непременно защитит. Она происходила из *сидов* Крохан Конайле¹⁴, а у них родственники в каждой крепости дивных по всей Ирландии, много их и в твердых-*дунах* прямо по соседству. Можно было, конечно, созвать внеочередное совещание *шиог*, лепреконов и клуриконов¹⁵ и вчинить народу *сидов* из Крохана Конайле иск об ущербе, но тамошний род наверняка от долга откажется – на том основании, что никто из их братства за это безобразие не в ответе, поскольку проступок совершил Философ, а не Тошяя Женщина из Иниш Маграта. И все-таки, как бы ни было, не желали они этого так оставлять, а то, что справедливость оказалась недостижима, лишь добавляло пыла их гневу.

К Тошей Женщине из Иниш Маграта отправили посланца из их числа, а остальные что ни ночь собирались подле жилища Михала Мак Мурраху в стремлении вернуть себе сокровище – стремлении, как они целиком убедились, безнадежном. Они обнаружили, что Михал, хорошо разумеющий обычаи Подземного народа, закопал горшок с золотом под терновым кустом и тем самым поместил его под охрану всех и каждого дивного на белом свете – включая и самих лепреконов, – и покуда горшок не будет изъят оттуда руками человеческими, лепреконы вынуждены чтить тайник и даже обеспечивать его сохранность ценой собственной крови.

На Михала наслали они могучий прострел, а на жену его – столь же лютый ишиас, но стоны их радовали лепреконов недолго.

Лепреконе, которого отрядили в гости к Тошей Женщине из Иниш Маграта, прибыл, как и надлежало, к домику в сосновом бору и предъявил свою жалобу. Излагая историю, малютка плакал, и дети плакали из сочувствия к нему. Тошяя Женщина сказала, что ее неимоверно печалила вся эта афера и симпатии Тошей Женщины целиком на стороне Горт на Клока Моры, но она слагает с себя всякую ответственность в этом деле, поскольку виновен ее муж и нет у нее никакой власти над его умственными движениями, кои суть одно из семи диковин света.

Поскольку супруг ее был в отлучке в дальнем углу леса, ничего тут покамест было не поделать, а потому лепреконе вернулся к своим собратьям без всяких добрых вестей, однако пообещал сходить еще раз назавтра спозаранку.

Когда Философ вернулся в тот день поздно вечером, Тошяя Женщина его поджидала.

– Женщина, – молвил Философ, – тебе полагается быть в постели.

– Полагается мне, говоришь? – отозвалась Тошяя Женщина. – Я б уведомила тебя, что в постель отправлюсь, когда пожелаю, и встану, когда пожелаю, не спрашивая позволения ни у тебя, ни у кого бы то ни было еще.

¹⁴ Крохан Конайле – Холм/насыпь Конайле (*искаж. ирл.*).

¹⁵ Шиог (*ирл. síog*) – *букв.* «маленький сид», «эльф»; клуриконы (*ирл. clúrachán, lucharachán*) – подобные лепреконам одиночные дивные существа; некоторые фольклористы считают их теми же лепреконами, только в подпитии.

– Это неправда, – молвил Философ. – Сонная ты делаешься независимо от того, нравится тебе это или нет, и просыпаешься, не дав на то разрешения. Как и многие другие обычаи, в том числе пение, танцы, музыка и лицедейство, сон обрел народную любовь как часть религиозных отправлений. Нигде так легко не отходишь ко сну, как в церкви.

– Известно ли тебе, – проговорила Тощая Женщина, – что сегодня сюда приходил лепреккон?

– Не известно, – молвил Философ. – И невзирая на то что минули бесчисленные века с тех пор, как первый спящий (вероятно, с необычайной натугой) погрузился в свой религиозный транс, мы ныне способны целиком проспять какую-нибудь религиозную церемонию с легкостью, какая была бы источником богатства и славы тому доисторическому молящемуся и его алтарникам.

– Ты собираешься дослушать, что я тебе говорю о том лепрекконе? – спросила Тощая Женщина.

– Не собираюсь, – молвил Философ. – Высказывалось предположение, что спать мы отправляемся вечером, потому что делается слишком темно для любых иных занятий; однако ж совы – народ, почитаемый за благоразумие свое, – в ночную пору не спят. Летучие мыши – опять же, род очень проницательный – спят в разгар дня, да еще и обаятельным манером. Цепляются за ветку дерева пальцами ног и висят головой вниз – в позе, которую я считаю исключительно благодатной, ибо приток крови к голове, свойственный такому перевернутому положению, наверняка порождает сонливость и некоторое отупение ума, вынужденного либо уснуть, либо взорваться.

– Ты хоть когда-нибудь прекратишь болтать? – пылко возопила Тощая Женщина.

– Не прекращу, – молвил Философ. – В некоторых отношениях сон полезен. Это прекрасный способ слушать оперу или смотреть что-нибудь по биоскопу. Как средство для грез ничего не ведомо мне, что сравнилось бы со сном. Как занятие сон благодатен, а вот как способ скоротать ночь – невыносимо нелеп. Если ты собиралась что-то сказать, любовь моя, говори сейчас же, прошу тебя, однако никогда не забывай подумать, прежде чем заговорить. Женщину должно быть видно редко, а вот слышно – никогда. Молчание – начало добродетели. Облекаться молчанием означает облекаться красотой. Звезды не галдят. Дети должны всегда быть в постели. Это всё серьезные истины, им нельзя противоречить, а значит, молчание им подобает.

– Овсянка твоя – на печке, – сказала Тощая Женщина. – Сам себе возьмишь. Я и на ширину своего ногтя не сдвинусь, хоть помирай ты от голода. Надеюсь, там, в каше, – комки. Сегодня здесь был лепреккон Горт на Клока Моря. Покражу их горшка золота они сваливают на тебя. Старый ты воришка! Вислоухий ты, мосластый, дурноглазый!

Тощая Женщина метнулась опростеть в постель. Из-под одеяла обратила она пылающий яростный глаз на супруга. Пыталась навести на него разом прострел, зубную боль и столбняк. Если бы довольно ей было сосредоточиться на какой-то одной из этих пыток, она, возможно, и преуспела бы, навлекши напасть на мужа в согласии со своим желанием, но ей не удалось.

– Окончателность есть смерть. Совершенство есть окончательность. Ничто не совершенно. Там комки, – молвил Философ.

Глава V

Лепреккон, возникши в сосновом бору назавтра, увидел чуть поодаль от домика двоих детей. Вскинул раскрытую правую ладонь над головой (таково приветствие и у дивных, и у гэлов), а затем пошел бы себе дальше, однако замер – его вдруг посетила некая мысль. Присев перед детьми, он долго смотрел на них, а дети – на него. Наконец лепреккон обратился к мальчику:

– Как твое имя, *а вик виг О?*¹⁶

– Шемас Бег¹⁷, достопочтенный, – ответил мальчик.

– Маловатое имя, – отозвался лепреккон.

– Так меня зовет мать, достопочтенный, – отбрил его мальчик.

– А как тебя зовет отец? – последовал вопрос.

– Шемас Эоган Мэлдуйн О’Карбайл Мак ан Дройд.

– Великоватое имя¹⁸, – произнес лепреккон, а затем обратился к девочке: – А тебя как зовут, *а кайлинь виг О?*¹⁹

– Бригид Бег, достопочтенный.

– А отец тебя как зовет?

– Он меня вообще не зовет, достопочтенный.

– Ну что ж, Шемасин и Бридин²⁰, славные малыши, вы мне очень любы. Чтоб вам здоровья, покуда не приду я повидать вас вновь.

И удалился лепреккон той же дорогой, какой явился. Пока шел, подпрыгивал да пальцами потрескивал, а иногда сучил нога об ногу.

– Славный лепреккон, – молвил Шемас.

– И мне понравился, – сказала Бригид.

– Слушай, – проговорил Шемас, – давай я буду лепреккон, а ты – двумя детьми, и я спрошу у тебя, как вас звать.

Сказано – сделано.

Назавтра лепреккон явился опять. Сел рядом с детьми и, как и в первый раз, сколько-то помолчал.

– Ты не спросишь, как нас звать, достопочтенный? – поинтересовался Шемас.

Его сестра застенчиво разгладила платице.

– Меня, достопочтенный, звать Бригид Бег, – проговорила она.

– Доводилось ли вам играть в «камешки»?²¹ – спросил лепреккон.

– Нет, достопочтенный, – ответил Шемас.

– Я вас научу, как играть в «камешки», – сказал лепреккон, подобрал несколько шишек и обучил детей той игре.

¹⁶ *А вик виг О* (искаж. от ирл. *A mhic bhig o*) – «эй, паренек-малютка!».

¹⁷ *Beag* (искаж. ирл.) – маленький, малыш.

¹⁸ Это имя и впрямь нагружено смыслами: Маэль Дунь – главный герой сказания «Плавание Майль-Дуйна» (так в русско-язычных переводах; «Immgam Maele Dúin» – из сборника рукописей «Книга Бурой коровы», XI в.), а сам Маэль Дунь происходил по отцу из рода Эогана; он лично построил из шкур корабль, на котором отправился на поиски убийцы своего отца. Таким образом, Стивенз возводит родословную мальчика к древним ирландским героям, а отец его Философ носит фамилию, происходящую от ирл. слова «дрыдь», «друидь» (у Стивенза «дройд») – букв. «закрытый», «замкнутый».

¹⁹ *А кайлинь виг О* (искаж. от ирл. *A cailín bheag o*) – «эй, девочка-малютка!».

²⁰ Шемасин и Бридин – *ум.* – *ласк.* от имен Шемас и Бридь (искаж. ирл.).

²¹ Играть в «камешки» – имеется в виду игра в астрагалы (кости), одна из древнейших среди известных человечеству игр. Камешки подбрасывают и ловят разными способами в разных заранее оговоренных комбинациях, и побеждает тот, кто первым совершит все оговоренные броски. Здесь и далее лепреккон перечисляет игры, популярные у детей в Англии и Ирландии XIX века и ранее.

– А доводилось ли вам играть в «шапки-салки»?²²

– Нет, достопочтенный, – ответил Шемас.

– А доводилось ли вам играть в «Я делаю гвозди из своего ри-ро-радди-о, я могу наделать гвоздей из своих ри-ро-рей»?²³

– Нет, достопочтенный, – ответил Шемас.

– Это славная игра, – заметил лепреконе, – как и «шапка-на-спинке»²⁴, и «двадцать четыре ярда на козлином хвостике», и «города», и «освобождение пленных», и чехарда. Я вас научу им всем, – сказал лепреконе, – а еще покажу, как играть в ножички, и в «ямки», и в «сторожей-разбойников». Лучше всего начинать с чехарды, вот ей я вас сейчас же и научу. Пригнись вот так, Бридин, а ты, Шемас, пригнись так же, но подальше. Теперь я прыгну через спину Бридин, пробежусь и прыгну через спину Шемасина – вот эдак, а затем побегу вперед и пригнусь. Теперь, Бридин, ты прыгай через брата, потом прыгай через меня, а затем беги подальше и снова вставай да пригибайся. Вот и твоя очередь, Шемас, – ты прыгай через меня, а затем через сестру и беги подальше, пригибайся, и буду прыгать я.

– Отличная игра, достопочтенный, – сказал Шемас.

– Так и есть, *а вик киг*²⁵, – голову прячь, – сказал лепреконе. – Добрый прыжок, лучше и не прыгнешь, Шемас.

– Я уже умею прыгать лучше Бригид, – отозвался Шемас, – и буду прыгать лучше твоего, когда сноровки наберусь, – прячь голову, достопочтенный.

Почти не заметив, они миновали кромку леса и уже заигрались на суровой пустоши, загроможенной здоровенными серыми валунами. Дальше этой пустоши ничего не было видно: за нею вдали к горизонту вздымалась заросшая вереском гора. Вокруг пустоши росла потрепанная живая изгородь из ежевики да торчала длинными пучками там и сям жесткая дикая трава. В углу же высилось раскидистое коренастое дерево, и дети с лепреконом, играя, оказывались все ближе и ближе к тому дереву. Лепреконе пригнулся совсем рядом с ним. Шемас разбежался, прыгнул – и соскользнул в нору рядом со стволом. А следом и Бригид разбежалась, прыгнула – и соскользнула в ту же нору.

– Ахти мне! – сказала Бригид, исчезая из виду.

Лепреконе щелкнул пальцами, посучил ногами – и, нырнув в ту же нору, тоже исчез из виду.

Минул час, когда дети обычно возвращались домой, и Тощая Женщина из Иниш Маграта немного забеспокоилась. Никогда прежде не бывало такого, чтоб дети опаздывали к обеду. Одного из двоих чад она не выносила на дух – свое, но уже забыла, который из них ее ребенок, а поскольку одного она любила, приходилось любить обоих – по опаске: ошибешься еще да отчитаешь того ребенка, к какому сердцу втайне стремится. А потому тревожилась она за обоих поровну.

Позади осталось время обеда, час ужина пришел, а дети – нет. Вновь и вновь выбиралась Тощая Женщина к темным соснам и звала детей, пока не осипла совсем, аж перестала слышать себя, даже когда вопила. Вечер износился до ночи, и Тощая Женщина, поджидая прихода Философа, осмыслила положение. Муж не явился, дети не явились, лепреконе, как договаривались, не вернулся... И тут ее осенило. Лепреконе украл ее детей! Она объявила месть леп-

²² «Шапки-салки» – игроки кладут вдоль стены свои шапки, водящий бросает мяч в одну из шапок, хозяин шапки убегает, остальные ловят, пока не поймает. Пойманный водит.

²³ «Ree Ro Raddy-O» – старинная ирландская песня, встречается в сборниках с конца XIX века; какая игра была связана с этой песней – непонятно.

²⁴ «Шапка-на-спинке» – аналог игры «в слона»: водящий наклоняется, ему на спину кладут шапку или еще какой-нибудь небольшой предмет, остальные играющие прыгают через него, приговаривая определенные слова; тот, кто сшибет предмет, прыгая, тот и водит дальше.

²⁵ *А вик киг* – вероятно, искаж. от ирл. *a mhic óig* – «эй, мальчонка-малыш».

реконам – такую, что потрясет род людской. В самом разгаре ее исступления меж деревьями показался Философ, вошел в дом.

Тощая Женщина кинулась навстречу...

– Муж, – сказала она, – лепреконы Горт на Клока Моря похитили наших детей.

На миг Философ вперил в нее взгляд.

– Похищение детей, – произнес он, – многовековое излюбленное занятие дивных, цыган и разбойников с Востока. Обыкновенно порядок таков: напасть на человека и держать в плену ради выкупа. Если выкуп не заплачен, узнику, бывает, отрезают ухо или палец и доставляют заинтересованной стороне – с заявлением, что через неделю последует рука или нога, если не возникнут подходящие договоренности.

– Ты отдаешь себе отчет, – пылко спросила Тощая Женщина, – что украли твоих детей?

– Не отдаю, – сказал Философ. – Этому порядку, однако, дивные следуют редко: обычно крадут они не ради выкупа, а из любви к воровству или же ради каких-то других смутных и, возможно, практических целей, жертву держат у себя в цитаделях или *дунах*, пока с излиянием времени не позабудет жертва своих истоков и не сделается мирным обитателем дивной страны. Кража людей ни в коей мере не ограничивается родом людским либо же народом дивным.

– Чудовище, – произнесла басовито Тощая Женщина, – будешь ты меня слушать?

– Не буду, – произнес Философ. – Водится этот обычай и у многих насекомоядных. Муравьи, например, почтенный народ, живущий очень упорядоченными общинами. Цивилизация у них сложнейшая и искуснейшая, нередко отваживаются они на дальние походы ради колонизации или в другие экспедиции, откуда возвращаются с богатой добычей тли и другой живности, а из нее для республики далее получают слуги и одомашненные твари. Поскольку ни убивают они своих пленных, ни едят их, такой обычай следует именовать похищением. То же можно сказать о пчелах, выносливом и трудолюбивом народе, живущем в шестиугольных кельях, кои очень трудно растряссти. Случается, когда у них нет своей королевы, они похищают королеву у соседа менее могущественного и употребляют ее для своих целей без всякого стыда, жалости или же совести.

– Уразумеешь ли ты? – возопила Тощая Женщина.

– Не уразумею, – произнес Философ. – Поговаривают, что субтропические обезьяны похищают детей и – как сообщают – обращаются с пленниками очень бережно: с величайшей щедростью делятся с ними своими кокосами, ямсом, плантанами и другими экваториальными кормами, а также перемещают похищенных по деревьям (зачастую отстоящим далеко друг от друга, на большой высоте) с бдительнейшей осторожностью и благоволением.

– Я отправляюсь спать, – сказала Тощая Женщина, – твоя каша – на печи.

– Комки в ней есть, дорогая моя? – уточнил Философ.

– Надеюсь, что да, – ответила Тощая Женщина и сиганула в постель.

В ту ночь Философа настиг жесточайший прострел, каких прежде не бывало с ним, и легче не стало, пока серое утро не сморило хозяйку дома в неохотную дрему.

Глава VI

В то утро Тощая Женщина из Иниш Маграта проспала допоздна, однако, едва проснувшись, в великом своем нетерпении едва ли помедлила, чтобы позавтракать. Тотчас после того, как поела, нацепила она чепец да шаль и отправилась по сосновому бору к Горт на Клока Море. В скором времени достигла она каменистой пустоши и, подойдя к дереву на юго-востоке, подобрала камень и громко застучала им по древесному стволу. Стучала она по-особенному: дважды подряд, затем трижды, следом один раз. Из дыры послышался голос.

– Кто там, будьте любезны? – спросил он.

– *Бан на Дройд*²⁶ из Иниш Маграта – и тебе это хорошо известно. – Таков был ответ.

– Сейчас поднимусь, благородная женщина, – произнес голос, и через миг из дыры выпрыгнул лепреккон.

– Где Шемас и Бригид Бег? – сурово спросила Тощая Женщина.

– Откуда же мне знать где? – отозвался лепреккон. – Разве не дома им сейчас быть?

– Были б дома, я б не явилась сюда, их разыскивая, – таков был ее ответ. – Сдается мне, они у тебя.

– Обыщи, – сказал лепреккон, распахивая жилетку.

– Они у тебя там, в домишке твоём, – ожесточилась Тощая Женщина, – и чем скорее ты их выпустишь, тем лучше для тебя самого и пятерых твоих братьев.

– Благородная женщина, – произнес лепреккон, – можешь спуститься сама в наш домишко и убедиться. Справедливее не скажу.

– Не протиснусь я туда, – сказала она. – Велика слишком.

– Ты знаешь способ, как сделаться маленькой, – заметил лепреккон.

– Но, может, я не смогу снова сделаться большой, – сказала Тощая Женщина, – и тогда ты и твои гнусные братцы одержите верх. Если не выпустишь детей, – продолжила она, – я подниму против тебя *сидов* из Крохан Конайле. Сам знаешь, что приключилось с клуриконами с Ойлян на Гласа²⁷, когда похитили они дитя Королевы, – с вами случится что похуже. Если дети не явятся домой нынче вечером до восхода луны, я отправлюсь к своему народу. Просто передай это твоим пятерым братьям-уродам. Чтоб тебе здоровья, – добавила она и отправилась прочь.

– Здоровья чтоб тебе, благородная женщина, – произнес лепреккон и простоял на одной ноге, покуда не исчезла она из виду, после чего скользнул обратно в нору.

Возвращаясь домой сосновым бором, Тощая Женщина увидела Михала Мак Муррахау – тот шел туда же, брови свиты от растерянности.

– С Богом тебе, Михал Мак Муррахау, – сказала она.

– С Богом и Марией²⁸ тебе, почтенная, – отозвался он, – сам я нынче в большой беде.

– С чего бы не быть тебе? – спросила Тощая Женщина.

– Я пришел потолковать с твоим мужем об одном деле.

– Если потолковать надо, то ты явился в дельный дом, Михал.

– Сам-то²⁹ – человек могучий, то верно, – сказал Михал.

²⁶ *Бан на Дройд* (искаж. от ирл. *Bean na Druid*) – женщина из Друидов, см. комментарий 18.

²⁷ Вероятно, искаж. от ирл. *Oileán na Glaise* – Остров ручья (потока), и тогда это действительный топоним; возможно, это *Oileán na Glas* – Остров зелени.

²⁸ И здесь Стивенз буквально воспроизводит на английском один из вариантов обмена приветствиями в ирландском языке: «*Dia duit*» – «*Dia is Muire duit*».

²⁹ Сам-то – в ирландском английском так говорят о хозяине дома («сама» – о хозяйке) – это следствие особенностей употребления в ирландском языке местоимений для расстановки смысловых акцентов во фразе.

Через несколько минут Тощая Женщина заговорила вновь:

– Уже отсюда чую я вонь его трубки. Ступай прямиком к нему, а я снаружи побуду, ибо от звуков ваших с ним голосов у меня голова разболится.

– Что тебе в радость, то в радость и мне, достопочтенная, – молвил ее собеседник и ушел в домик.

Для растерянности была у Михала Мак Мурраху веская причина. Отцом он доводился всего одному ребенку, и девушка та – самая красивая на всем белом свете. Незадача состояла вот в чем: никто-никто не знал, что она красивая – даже сама она не знала об этом. Временами, когда купалась в заводи горного потока и видела свое отражение, что глядело на нее из тихой воды, думала девушка, что очень пригожа, и тут же нисходила на нее великая печаль: что проку в пригожести, если некому посмотреть? Красота – она же еще и прок. И искусства, и ремесла – то есть и изыск, и польза – пусть выступают на торжище, и пусть судят о них барыги.

В единственном доме рядом с ее отчим жилищем обитала Бесси Ханниган. Прочие немногие дома рассыпало на удалении друг от друга, и разделяли их безмолвные мили холмов да болот, а потому девушка отродясь едва ль видела больше пары-тройки мужчин, помимо собственного родителя. Помогала отцу с матерью во всех мелких делах по дому и каждый день выгоняла трех коров и обеих коз пастись на горные склоны. Здесь день за солнечным днем текли годы, и в их неспешном теплом безмыслии без всяких размышлений многие думы наплывали ей на ум и повисали на миг многие образы, словно птицы в воздухе. Поначалу – и долго – была она вполне счастлива; много есть такого, что способно увлечь дитя: просторные небеса, что во всякий день облакаются разной красою; бесчисленные созданья-малютки, что живут в траве или в вереске; лихой слет птицы с горы к бескрайней равнине вниз; мелкие цветики – такие довольные, каждый на своем безмятежном месте; пчелы, собирающие пищу для домов своих, и дородные жуки, что в сумерках вечно теряют дорогу. Все это и многое прочее было девушке интересно. Три коровы, нагулявшись вдосталь, приходили и ложились с нею рядом, жевали жвачку, а козы выпрыгивали из орляка и любовно толкались лбами девушке в грудь.

Да и вообще все вокруг в безмолвном мире девушки любило ее, но очень не торопясь копился у нее в сознании непокой, смятение, какому доселе была она чужда. Случалось, беспредельная истома прижимала ее к земле. В уме народилась мысль, и не было у нее имени. Крепла она – и никак ее не выразить. Не находилось слов внутри, какими встретить ту мысль, изгнать или приветить чужачку, что все настойчивее, все просительнее стучалась к девушке в дверь и заклинала, чтоб поговорили с ней, чтоб впустили, обласкали и приголубили. Мысль – действительна, а слова лишь ризы ее, но все же мысль застенчива, как дева: ежели не облачена она подобающе, не взглянуть нам на ее призрачную наготу – улетит от нас и вернется только в потемках, рыдая тоненьким детским голоском, какой не постигнуть, покуда, тужась умом, слушающая и угадывая, мы наконец-то не сотворим для нее знаки, что станут ей и защитой, и знаменем. А потому девушка не постигала касания, возникшего издалека и вместе с тем сокровенного, – шепота, столь отстраненного и вместе с тем столь восхитительно задушевного. Ни речь, ни опыт жизни опорой ей не были; она умела слушать, но не думать, чувствовать, но не знать; глаза ее смотрели вперед, но не видели, ошупью она пробовала все при свете дня, но ничего не ощущала. Казалось, будто это кромка ветерка, что шевелит ей локоны, не поднимая их, – или же первый проблеск восхода, что и не свет, и не тьма. Пальцы ее души тянулись схватить незнакомку за руку, и трепет усиливался устремлением – не телесным и не умственным, ибо ни тело, ни ум не увлекались полностью и определенно. Некая смутная середина меж тем и другим тревожилась все более, смотрела, ждала, и не спала, и не уставала нисколько.

Однажды утром лежала девушка в высокой теплой траве. Наблюдала за птицей, что недолго парила и пела, а затем стремительно полетела прочь в напоенном воздухе, с глаз долой в синюю даль. Даже после того, как птица исчезла, ее песнь продолжала звенеть у девушки

в ушах. Задерживалась, словно тихое нежное эхо, наплывала волнами, примолкая ненадолго, будто ветер ее потревожил или беспечные дальние вихри. Через миг-другой девушка поняла, что это не птица. Ни у какой птицы не бывает такой последовательной музыки, ибо мелодии их беззаботны, как их же крылья. Девушка села и посмотрела по сторонам, но на глаза ничего не попало: горы все так же мягко вздымались над нею в ясное небо, дремали в солнечном свете повсюду вокруг кочки вереска; вдали виднелся отчий дом – маленькое серое пятнышко у деревьев... и тут музыка оборвалась, и девушка растерялась.

Ей все не удавалось отыскать своих коз, хотя искала она долго. Наконец они явились сами откуда-то сзади, из складки в холмах, взбудораженные, как никогда прежде. Даже коровы растеряли всю свою чинность и принялись неуклюже резвиться. В тот вечер по дороге домой некий странный восторг научил ноги девушки танцу. Туда и сюда порхала она перед своей скотиной и позади нее. Шажки отмеряли прихотливый ритм и размер. В ушах пела музыка, и девушка танцевала за нею, раскинув руки вширь и над головой, покачиваясь и наклоняясь на ходу. Свобода тела сделалась теперь целиком ее: легкость, изящество и уверенность всех ее членов доставляли ей радость – радость была и в силе, что не истощалась. Вечер наполнился миром и покоем, закатный солнечный свет прокладывал путь ей под ноги, и повсюду в диких полях мелькали и пели птицы, и девушка тянула с ними песню, в которой не было слов, – и слов никаких не желала.

Назавтра она вновь услышала ту музыку – призрачную, тоненькую, чудесно нежную и вольную, словно пение птицы, но была в ней мелодия, какой не способна держаться никакая пичуга. Вновь и вновь повторялся мотив. Посреди трелей, мелизмов, рулад и качч все повторялась и повторялась со странной, едва ли не священной торжественностью тихая, хрупкая мелодия, суровая и отрешенная. Было в ней что-то, отчего сердце у девушки билось чаще. По этой мелодии тосковал и слух ее, и уста. Радость ли это, угроза, беспечность? Не понимала девушка, однако знала одно: каким бы ужасом ни обернулось, оно ей сокровенно. То нерожденная мысль ее, слышимая и осязаемая, как ни странно, а не понятая.

И в тот день опять не видала она никого. Вялая, пригнала вечером своих подопечных домой; скотина тоже вела себя очень тихо.

Когда музыка явилась вновь, девушка не стала силиться, чтобы выяснить, откуда она, эта музыка. Лишь слушала, а когда мелодия стихла – увидела, как из складки небольшого холма возник чей-то силуэт. Солнечный свет сиял на руках и плечах незнакомца, но остальное его тело скрывалось в папоротниках, и сам он не глядел на девушку, а шел себе прочь, тихонько наигрывая на парной свирели.

Назавтра он все же глянул на девушку. Встал к ней прямо лицом, по пояс в траве. Никогда не видела она лица диковиннее. Взгляд ее чуть не сгинул в нем – так она в него вперилась; он тоже всмотрелся в нее пристально, без выражения. Волосы у него – копна каштановых кудрей, нос маленький, прямой, у крупного рта печально опущенные уголки. Глаза распахнуты и совершенно скорбны, а лоб обширен и бел. От грусти на этих губах и в глазах этих девушка чуть не расплакалась.

Отвертываясь от нее, он улыбнулся – и словно солнцем внезапно озарилось угрюмое место, и исторглись все печали и сумрак. Затем удалился незнакомец мелкими шажками. Уходя, поднес тонкую парную свирель к губам и выдул несколько безмятежных нот.

На следующий день он вновь смотрел ей в глаза, стоя лицом к ней чуть поодаль. Поиграл всего несколько мгновений, порывисто, а затем двинулся к ней. Когда вышел из папоротников, она, перепугавшись, прижала ладони к глазам. Было в незнакомце что-то неведомое – ужасное. Верхняя часть тела прекрасна, а вот нижняя... Девушка не осмеливалась глянуть еще раз. Вскочила бы да помчалась прочь, но побоялась, что он погонится следом, и мысль о такой погоне и неизбежном пленении заледенила ей кровь. Мысль о чем угодно у нас за спиной всегда кошмарна. Топот преследователя хуже убийства, от которого мы бежим, а потому

девушка сидела недвижимо и ждала, но ничего не происходило. Наконец она в отчаянии уронила руки. Незнакомец сидел на земле в нескольких шагах поодаль. Глядел не на девушку, а в сторону, на раскинувшиеся холмы. Ноги скрестил – и были они косматы и копытны, как у козла, однако девушка не смотрела на них: лицо его было чудесно, печально, несообразно. Славно смотреть на веселье, а невинные лица радуют нашу душу, но нет такой женщины, что в силах устоять перед грустью или же слабостью, и неотразима для женщины безобразность. Природа женщины устремляется утешать. Таков разум ее. Ничто не возносит ее до того восторга, где самопожертвование беспредельно. Мужчины – отцы не по чутью, а по случайности, тогда как женщины – матери превыше всякой мысли, вне наития, какое есть отец мысли. Материнство, жалость, самопожертвование – таковы чада ее первородной клетки, и даже открытие, что мужчины – паяцы, лгуны и самолюбы, не разлучит женщину с ее свойствами. Смотрела девушка на скорбь этого лица и отказывалась видеть безобразие тела. Зверь, что есть в каждом мужчине, женщиной приукрашен; детскость его, разрушительную его силу, неотделимую от юности и веселья духа, женщина вечно прощает, часто забывает, а нередко ценит и даже лелеет.

Через несколько миггов того молчания он приложил свирель к губам и сыграл краткую печальную мелодию, а следом заговорил с нею странным голосом, что был словно ветер из дальних мест.

– Как звать тебя, Пастушка? – спросил он.

– Кайтилиин, Иньин³⁰ Ни Мурраху, – прошептала она.

– Дочь Мурраху, – произнес он. – Я пришел из дальних краев, где холмы высоки. Муж и девы, что ходят там за стадами, знают меня и любят, ибо я есть Верховный Пастух. Они поют, и пляшут, и радуются, когда я прихожу к ним при свете солнца, но в этой стране почтения мне никто не выказывает. Пастухи разбегаются прочь, заслышав мои свирели на пастбище, девы кричат от страха, когда я танцую для них по лугам. Мне в этой чуждой стране совсем одиноко. Ты тоже, хоть и танцуешь под мои свирели, укрыла лицо и не чтишь меня.

– Я сделаю все, что ты скажешь, если будет оно правильно, – молвила она.

– Незачем делать ничего, если оно правильно, а только если ты того хочешь. «Правильно» – просто слово, «неправильно» – тоже, а солнце сияет утром, и роса выпадает с закатом, не думая об этих словах, лишенных смысла. Пчела летит к цветку и семя выпадает вон – и довольно. Правильно ли так, Пастушка? – оно и неправильно же. Я стремлюсь к тебе так же, как и пчела стремится к цветку, – неправильно! Не приди я к тебе, к кому пошел бы я? Нет ни правильного, ни неправильного, есть только воля богов.

– Я тебя боюсь, – сказала девушка.

– Ты боишься меня, потому что ноги мои косматы, как у козла. Присмотрись к ним как следует, о Дева, и пойми, что они и впрямь ноги зверя, и тогда тебе будет не страшно. Разве не любишь зверей ты? Конечно же, любишь, ибо они томятся по тебе – смиренно или же люто, желают руки твоей у себя на голове, как и я. Не будь я сотворен так, я бы не шел к тебе, потому что в тебе не нуждался б. Мужчина есть бог – и зверь. Головою он рвется к звездам, а ноги его рады траве в полях, и если бросит он зверя, на котором стоит, не останется больше ни мужчины, ни женщины, и бессмертные боги сдуют прочь этот мир, словно дым.

– Я не понимаю, чего ты от меня хочешь, – проговорила девушка.

– Я хочу, чтобы хотела ты меня. Я хочу, чтоб ты позабыла правильное и неправильное, чтобы стала ты счастлива, как все звери, беспечна, как все цветы и все птицы. Чтобы жила до глубин своей сути, а также до ее высей. Воистину есть звезды в вышине, и они лягут венком на твой лоб. Но глубины равны высотам. Чудесно глубоки те глубины, плодотворны нижайшие. Там тоже есть звезды, они ярче тех, что вверху. Имя вершин есть Мудрость, имя глубин есть Любовь. Как же соединиться им и плодиться, если не нырнешь глубоко и бесстрашно?

³⁰ Иньин – дочь (искаж. ирл.).

Мудрость есть дух и крылья духа, Любовь же – косматый зверь, что идет на глубину. Отважно ныряет он, ниже мысли, за грань Мудрости, чтобы взмыть вновь – настолько же выше них, насколько ниже сперва низошел он. Мудрость праведна и чиста, Любовь нечиста и свята. Я пою о звере и сошествии – о великой нечистоте, что очищает себя огнем, – о мысли, что рождена не по мерке, во льду или же в голове, но в ногах, и горячей крови, и биении ярости. Не на Солнце сокрыт Венец Жизни: хитрые боги запрятали его глубоко, там, где задумчивым не найти, где не найти добродетельным – лишь Веселым, лишь Бешабашным, Беспечным Ныряльщикам: вот кто добудет Венец для премудрых и изумит их. При свете все видно – и как же нам ценить то, что легко рассмотреть? Но то драгоценное, что сокрыто, будет нам лишь дороже для поисков – украсится нашей печалью, облагородится нашим томлением. Идем же со мной, Пастушка, в поля, будем там беззаботны и счастливы и предоставим мысли найти нас, когда сумеет, ибо в этом обязанность мысли, и ей больше охота нас отыскать, чем нам – обнаружиться.

И встала Кайтилин Ни Мурраку, и пошла с ним в поля, и не от любви она с ним пошла, не потому, что слова были ей понятны, а лишь потому, что был наг он и не устыдился.

Глава VII

Как раз насчет своей дочери Михал Мак Мурраху и пришел навестить Философа. Он не знал, что с нею случилось, и советчику своему выложить мог мало что.

Оставил Тощую Женщину из Иниш Маграта нюхать табак под сосной и отправился в дом.

– С Богом вам всем тут, – сказал он, входя.

– И тебе с Богом, Михал Мак Мурраху, – молвил Философ.

– В большой беде я нынче, достопочтенный, – сказал Михал, – и если дашь мне совет, я тебе останусь крупно должен.

– Дам его тебе, – отозвался Философ.

– Никто лучше тебя, достопочтенный, – и никаких тебе хлопот к тому же. Могучий совет ты дал насчет стиральной доски, и не явился я тебя благодарить побыстрее не потому, что не желал приходить, а оттого, что ни рукой ни ногой двинуть не мог через этот вот прострел лютый, какой наслали на меня лепреконы Горт на Клока Моры, чтоб им пусто было веки вечные; так скрутило, что от одного взгляда на меня косоглазие открылось бы, а боль, какую терпел я, тебя потрясла бы.

– Не потрясла бы, – сказал Философ.

– Да и ладно, – проговорил Михал. – Пришел я вот чего: из-за юной дочери моей Кайтилин. Ни слуху ни духу от нее нет уже три дня. Жена моя сказала сперва, что это дивные забрали Кайтилин, а затем сказала, что ушла она за каким-то странником с музыкальным инструментом, а потом – что, может, лежит девонька мертвая на дне канавы, глаза распахнуты, смотрит, не мигая, на луну в ночи и на солнце днем, пока воробы ее не найдут.

Философ пододвинул стул поближе к Михалу.

– Дочери, – произнес он, – причина тревог их родителям с тех самых пор, как были дочери сии учреждены. Взбалмошность женского темперамента очень видна у тех, кто не достиг лет, что научают, как скрывать огрехи и слабости, а следовательно, неблагоприятие прет из юной девицы, подобно ветвям из куста.

– Кто станет отрицать это... – проговорил Михал.

– Дети женского пола, однако, наделены особым расположением природы. Производятся они в поразительном избытке по сравнению с детьми пола мужского, и их, соответственно, можно считать главенствующими над детенышами-самцами; однако хорошо доказанное правило, что меньшинству править большинством, освобождает наш ум от страха, какой в противном случае оказался бы невыносим.

– Что правда, то правда, – сказал Михал. – Замечал ли ты, достопочтенный, что в помете щенков...

– Не замечал, – молвил Философ. – Кое-какие ремесла и мастерства, что любопытно отметить, зачастую передаются от матерей к дочерям. Профессия царствования среди пчел и муравьев всегда женская, трактирщицкое дело тоже наследуется по прялочной линии. Ты замечал наверняка, что у всякого трактирщика найдется три дочери-чаровницы. При отсутствии этих знаков нам стоит взирать на выпивку у такого хозяина искоса – догадаемся мы, что в браге будет недолжная доля воды, ибо если первородство у него недоброе, как уцелеть его честности?

– Мудрая голова потребна, чтобы ответить на этот вопрос, – отозвался Михал.

– Не потребна, – произнес Философ. – Во всей природе женские особи стремятся к многобрачию.

– Если, – сказал Михал, – несчастная дочь моя и впрямь лежит в какой-нибудь канаве...

– Неважно, – проговорил Философ. – Многие племена брались положить какие-то пределы приросту женского поголовья. Некоторые народности Ориента наделяют божественными

званиями крокодилов, змей и тигров джунглевых – и излишек дочерей скормливают им. Также и в Китае подобные жертвоприношения отстаивают как почтенный экономический обычай. Но, говоря шире, если дочерей необходимо сократить, я предпочитаю твой метод – недосчитываться их; это лучше, нежели религиозно-истерические компромиссы Ориента.

– Слово даю, достопочтенный, – сказал Михал, – что не соображаю нисколько, о чем ты толкуешь.

– Это, – молвил Философ, – можно объяснить трояко: во-первых, недостатком умственной связности, сиречь ущербностью внимания; во-вторых, местными особенностями обустройства черепа или, вероятно, поверхностным, а не, наоборот, глубоким мозговым извивом; в-третьих же...

– А слышал ли ты, – сказал Михал, – о человеке, которому ружейным выстрелом стесало скальп, и ему на макушку пришили доньшко жестяной тарелки – так, что стало слышно, как у него там внутри мозги тикают, на весь белый свет – все равно что какие-нибудь часы «Уотер-бери»?³¹

– Не слышал, – отрезал Философ. – В-третьих же, возможно...

– Это дочка моя, Кайтилин, достопочтенный, – смиренно произнес Михал. – Возможно, лежит она в канаве, и вороны выклевывают ей очи.

– От чего она умерла? – спросил Философ.

– Моя жена сказала одно: дочка, может стать, мертва, а может, ее забрали дивные, а может, подалась она следом за странником, при котором был музыкальный инструмент. Жена моя сказала, что инструмент тот – гармошка, сам же я думаю, что свирель.

– Кем он был – странник?

– Я его не видал, – произнес Михал, – но как-то раз поднялся на пару взгорков по холму и услышал, как он играет: тоненькая такая музыка, писклявая, как жестяная дудочка³². Всюду искал я того человека по округе, но его ни слуху уже, ни духу.

– Э? – переспросил Философ.

– Всюду искал я... – повторил Михал.

– Я понял, – сказал Философ. – Ты на коз своих не смотрел ли, часом?

– Так деваться некуда было, а как же, – ответил Михал.

– Что они делали? – увлеченно уточнил Философ.

– Проказничали друг с дружкой по всему полю, вставали на задние ноги и такие выкидывали коленца, что я хохотал, покуда живот у меня не разболелся от их плясок.

– Это очень интересно, – сказал Философ.

– Интересно, говоришь? – спросил Михал.

– Говорю, – подтвердил Философ, – и по этой причине – большинство племен в этом мире в то или иное время...

– Это дочурка моя, Кайтилин, достопочтенный, – проговорил Михал.

– Я ею и занимаюсь, – молвил Философ.

– Благодарю тебя сердечно, – отозвался Михал.

Философ продолжил...

– К большинству племен в этом мире в то или иное время наведывалось божество, чье звание – Великий Бог Пан, однако о его посещениях Ирландии никаких записей не существует и в исторические времена, что совершенно точно, не ступала нога его на эти берега. Жил он премногие годы в Египте, Персии и Греции, и пусть империя его предположительно вселенская, повсеместность эта спорная – и прежде так было, и будет впредь. Тем не менее, сколь

³¹ Имеется в виду американская часовая компания «Waterbury Clock» (осн. 1854), в то время – один из крупнейших в стране производителей часовых механизмов.

³² Жестяная дудочка – так наз. *tin whistle* (в русскоязычных источниках встречается и «вистл», и «тинвистл»), простая двухоктавная флейта, широко используемая в народной музыке Ирландии, Шотландии, Англии.

жестко ни пресекали бы его власть, никогда не останется он без царства, в коем полномочия его радостно и ревностно утверждают.

– Не из старых ли он богов, достопочтенный? – спросил Михал.

– Из старых, – подтвердил Философ, – и приход его не предвещает этим краям ничего доброго. Догадываешься ли ты, с чего ему похищать твою дочь?

– Ни малейшего представления.

– Красива ли дочь твоя?

– Не мог бы сказать, поскольку никогда не водилось у меня мысли смотреть на нее так. Но доярка она хорошая – и сильна, как мужчина. Мешок муки берет под мышку проворнее моего, однако существо при этом робкое.

– Какой ни была бы причина, я убежден, что девушка – у него, и склонен думать, что навели его лепреконы Горта. Известно ли тебе, что они враждуют с тобой с тех пор, как погибла их птица?

– Вряд ли забуду – день и ночь терзают они меня муками.

– Не сомневайся, – сказал Философ, – уж где-где найдется то существо, так в Горт на Клока Море: иноземец он, куда же ему податься, если не направят его, а лепреконы знают всякую ямку и угол в этих местах с незапамятных времен. Я б сам сходил да побеседовал с ним, однако ничего хорошего из этого не получилось бы, – не будет никакого прока, и если ты туда отправишься. У того божества есть власть над всеми взрослыми людьми, а потому они либо напиваются допьяна, либо влюбляются в каждого встречного, да бедокурят и творят всякие непотребства, о каких я б не хотел тебе рассказывать. Подобраться к нему близко способны лишь малые дети, потому что не властен он над ними, покуда не дорастут они до возраста чувственности, вот тогда-то становится он им повелителем, как и всем прочим. Я отправлю к нему с весточкой двоих своих детей, скажу: если не поступит он подобающе – не оставит девушку в покое и не вернется в свои родные края, – мы пошлем за Энгусом Огом.

– Он-то с ним расправится, думаю.

– Вполне может – но вместе с тем способен забрать девушку себе.

– Ну по мне уж пусть он берет ее себе, чем тот, ибо он-то из наших, как ни крути, а бес знакомый лучше беса неведомого.

– Энгус Ог – бог, – сурово произнес Философ.

– Это мне известно, достопочтенный, – отозвался Михал, – это я просто так говорю. Но как твоя честь доберется до Энгуса? Слышал я, что не видать его было сотню лет – если не считать той единственной ночи, когда полчаса проболтал он с кем-то с Килмашога³³.

– Я найду его совершенно точно, – сказал Философ.

– Ручаюсь – найдешь, – рьяно подтвердил Михал, вставая. – Многая лета и крепкого здоровья тебе, достопочтенный, – добавил он и собрался восвояси.

Философ прикурил трубку.

– Живем мы столько, сколько позволено нам, – сказал он, – а здоровья нам отпущено столько, сколько мы заслужили. Твои слова воплощают воззрение на смерть, отличное от философского. Мы обязаны соглашаться со всеми логическими выкладками. Слияние противоположностей есть завершенность. Жизнь устремляется к смерти как к своей цели, и нам полагается двигаться к той следующей части нашего опыта либо беззаботно – как к чему-то обязательному, либо с добротным искренним любопытством – как к чему-то возможному.

– Не очень-то много потехи у мертвого, достопочтенный, – проговорил Михал.

– Каким образом тебе это известно? – спросил Философ.

– Да уж достаточным, – ответил Михал.

³³ Килмашог – *искаж.* от *ирл.* Chill Mochióg (полное название топонима Sliabh Chill Mochióg, гора Св. Мохёг, есть и другие версии происхождения названия), одна из вершин Дублинских гор.

Глава VIII

Сиганув в нору у основания дерева, дети заскользили вниз по темному узкому скату, и тот довольно мягко спустил их в помещенье. Находилось оно прямо под деревом, и с большим бережением ни один корень древесный не был потревожен – они тянулись там и сям через всю комнатку, страннейше перекрещиваясь и перекручиваясь. Пробираться здесь можно было, постоянно обходя и перепрыгивая их, а также пригибаясь. Некоторые корни очень удобно свились в низенькие сиденья и узкие неровные столики, а внизу все они устремлялись в пол и прочь – туда, куда призывали их дела. По сравнению с прозрачным светом снаружи здесь детям показалось очень темно, а потому несколько минут они не видели совсем ничего, но чуть погодя глаза у них привыкли к полумраку и все стало можно разобрать довольно хорошо. Первым делом разглядели они шестерых коротышек, сидевших на низких корнях. Все они были облачены в облегающие зеленые наряды и кожаные фартуки, а на головах у них красовались высокие зеленые шляпы и качались при каждом движении их хозяев. Все увлеченно тачали обувь. Один натягивал коленкой дратву, другой отмачивал в ведре с водой куски кожи, третий полировал подъем башмака обломком изогнутой кости, четвертый обтесывал каблук коротким ножом с широким лезвием, а пятый заколачивал в подметку деревянные шпильки. Все шпильки он зажимал во рту, что придавало ему веселый щекастый вид, а когда потребна была шпилька, он сплевывал ее себе в ладонь и дважды стучал по шпильке молотком, а затем выдувал изо рта следующую, и всякий раз удавалось ему выдуть шпильку нужным концом вверх – и никогда больше двух раз он по ней не бил. Наблюдать за таким умельцем – одно удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.